

НАТАЛЬЯ БРОСОВА

НОСТАЛЬГИЯ УМА И СЕРДЦА
В МЕТАФИЗИКЕ ПРОВИНЦИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

NOSTALGIA OF MIND AND HEART: METAPHYSICS OF PROVINCE BY M. HEIDEGGER

The article analyzes M. Heidegger's conception of Province. This subject plays a particularly significant role in Germany, although it is also important in the rest of Europe. Heidegger is keeping on the original Latin semantics: he opposes the Parent State, or Metropolis (*patria major*) and Province (outer space connected to the Parent State only by statute). This kind of opposition contains some very important aspects of Heidegger's philosophy, namely: primary nature and secondary nature, interiority (as identity) and exteriority (as formality), ability to move and to be moved, human conditions and state conditions. Especially important is for Heidegger's thinking such a phenomenon as «Parent State ness»/»Nativity». He thinks over this subject through the prism of the German Romantics and stresses such points as the field of spiritual nearness (*Heimat*) which should make the soil for the *Patria* as the Land of the Ancestors (*Vaterland*).

Keywords: Heidegger, metaphysics, province, opposition of city/hamlet, privacy, thinking, identity.

В статье реконструируется трактовка М. Хайдеггера: именно в Германии тема провинции — принципиальная и для Европы — играет значительную роль. Вместе с тем интерпретация Хайдеггера сохраняет элементы изначальной латинской семантики: здесь противопоставляются метрополия (*patria major*) и провинция (внешнее пространство, которое только юридически связано с метрополией). В этой оппозиции заложены многие важные для философии Хайдеггера аспекты: первичности и вторичности, внутреннего (идентичности) и внешнего (формальности), движущего и движимого, человеческого и государственного. Особенное значение в разворачивании темы обретает феномен «отечественности». Хайдеггер переосмысливает его через немецких романтиков, делая акцент на пространстве духовной близости (*Heimat*), которая должна лежать в основе Родины как «земли предков» (*Vaterland*).

Ключевые слова: Хайдеггер, метафизика, провинция, оппозиция «город/деревня», уединенность, осмысление, идентичность.

Тема провинции неявно присутствует в хайдеггеровском философствовании, во многом определяя стратегию его фундаментальных идей и выступая примером проведенного в «Очерках философии» различения основной темы и ведущего мотива, характерных для историко-философского процесса.¹ Следует заметить, что исторически именно

1 См.: *Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis. GA Bd. 65. Frankfurt am Main, 1994. S. 232–233 ff.*

в Германии осмысление оппозиции «провинция-центр» получает своеобразное выражение, отличное от других европейских странах, скажем, Франции, Англии или Италии. Разумеется, и в них данная проблема имеет место, достаточно вспомнить о Париже, который сами французы воспринимают как всепоглощающий и постоянно раздувающийся мегаполис, — или назвать давно известное противостояние богатых северных городов Италии и ее бедных южных окраин. Своя специфика характерна для Великобритании, с ее самым высоким по сравнению с другими развитыми странами уровнем урбанизации; здесь, как отмечают историки, не происходило такой упорной борьбы между городами и сеньорами (т. е. между приоритетами города и сельского поместья), как на континенте. И все же нельзя не отметить ситуаций противостояния: столичный регион (в т. ч. Большой Лондон) — и северные депрессивные (традиционно сельские) районы, Англия versus Уэльс, Шотландия, Ирландия. Но с Германией несколько иная ситуация. Немаловажный фактор: создание объединенной Германской империи (во главе с Пруссией) из более чем тридцати государственных образований было провозглашено лишь в январе 1871 года, за 18 лет до рождения философа. В течение XI–XVIII вв. на ее пространствах пульсировали процессы децентрализации, возникали, объединялись, распадались княжества, герцогства, графства — наряду с которыми существовали вольные имперские и епископские города (а некоторые из них входили в могущественный Ганзейский союз). В этих обстоятельствах раздробленность и региональный консерватизм выступали не только политико-экономическими характеристиками, но и действенным культурно-психологическим фоном общественного сознания в Германии.² Этот фон, несомненно, нашел отражение в хайдеггеровском понимании феномена провинции.

Вместе с тем, у Хайдеггера тема сохраняет — в обращенном виде — элемент изначальной латинской семантики: противопоставление метрополии как *regia maior* провинции как внешнему территориально-культурному пространству, юридически, т. е. необходимым образом связанному с метрополией. Здесь заложены многие существенные для хайдеггерово-

2 Разумеется, не следует абсолютизировать регрессивный потенциал этого фона: при всех консервативных тенденциях Германия в начале XX века по уровню промышленного производства выдвинулась на 1-е место в Европе, обогнав недавнюю «мастерскую мира» Великобританию. Впрочем, именно издержки такого прогресса и усиливали немецкий социокультурный консерватизм.

вских взглядов бинарности: первичного и вторичного, внутреннего (идентичности, Самости) и внешнего (формального выражения), движущего и движимого, человеческого и государственного. Особенное значение в разворачивании темы обретает феномен «отечественности», «причастности Родине»; его Хайдеггер переосмысливает через немецких романтиков с акцентом на пространстве духовной близости (Heimat), которая должна лежать в основе Родины как «земли предков» (Vaterland).

В небольшом эссе «Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции?» (1933) философ описывает собственную жизнь, размеренно проходящую в небольшом домике в горной деревне. Подоплекой рассказу служит ситуация выбора: осенью 1933 года Хайдеггера вторично приглашают на работу в Берлин (первый раз — в марте 1930 г.), и он снова решает не в пользу столицы.³ Решение объясняется принципиальными преимуществами провинции, которая предстает словно бы в двух аспектах: с одной стороны это регионы, противопоставляемые политическому, т. е. манипулирующему центру (Берлину), с другой — органичность сельского уклада, противостоящая интенсивной и неестественной суете города. Оба аспекта подводят к проблеме подлинности/неподлинности существования: и руководящая столица, и круговорот городского бытия наследуют провинции, вторичны по отношению к ней. Они выражают отвлеченное и гипостазированное качество политического бытия, поэтому их интенсивность поверхностна, по сути, несамостоятельна.

Здесь добавляется новый — и существенный — обертон к изложенной Хайдеггером ранее теме обезличивающей повседневности. В § 23 «Бытия и времени» философ раскрывал, каким образом «...повседневное бытие с другими оказывается *на посылках* у других. Не оно само *есть* [собственное существование человека], другие отняли у него бытие».⁴ Речь шла о публичности городского быта, которая, конечно, не тождественна общественной природе человека. Хайдеггер перечислял разные

3 Из переписки Хайдеггера с Элизабет Блохманн можно увидеть, что ситуация с самого начала не была однозначной; уже получившего известность мыслителя приглашали для консультирующего руководства (Führerschaft) преподавательского состава; при этом само преподавание оставалось побочным занятием. Такое обстоятельство было для философа неприемлемо. Длительные переговоры приводят его к убеждению: «Я *не еду* в Берлин — поскольку не вижу там никакой почвы для *настоящей работы*» (Martin Heidegger Elisabeth Blochmann *Briefwechsel 1918–1969* / hrsg. von J. W. Storck. Marbach, 1989. S. 72, 74).

4 *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина М., 1997. С. 126.

виды такой нивелирующей городской публичности: транспорт, средства массовой информации, индустрия досуга, развлечений и потребления искусства, смысложизненные стереотипы... Однако в 1933 году обстоятельства кристаллизуются, и все перечисленное фокусируется в феномене политики, все вариации публичности пропускаются через политическую призму и рассматриваются через нее.⁵ Эта призма придает необыкновенную выпуклость тем оппозициям, о которых говорилось выше: столица — регионы, город — село; ведь политика концентрируется в городах и «главном городе» (Hauptstadt), т. е. столице. Вместе с тем именно политический фокус доводит до логического завершения процесс публичной усредненности, так что элиминация подлинности и самости не замечается в самой сфере политики, присваивающей себе право принимать решения относительно всего и всех. «В повседневности присутствия почти все делается через тех, о ком мы вынуждены сказать, что никто ими не был».⁶

Провинция же выступает как первичный, естественный универсум природы, в которую вписан человек с его естественным трудом: крестьянским, пастушеским, ремесленным. В этом натуральном ряду находится и работа осмысления, философствования, отмеченная напряжением, смыслом, нужностью для человеческого существования (позднее Хайдеггер напишет о нужде в мысли, подчеркивая ее отличие от простой формально-логической необходимости и утилитарной потребности): «Молодой хозяин с великими усилиями затаскивает вверх по склону горы тяжелые розвальни, чтобы, загрузив их буковыми поленьями, направить в опасный путь назад к своему двору; пастух медленно, раздумчиво бредет, гоня стадо вверх по склону горы; крестьянин, сидя в своей комнате, заготавливает в бессчетном количестве, по всем правилам искусства, кровельную дрань для крыши своего подворья, — и мой труд точно таков».⁷

5 На эту общую для всей страны ситуацию наложился личный жизненный опыт, оставивший неизгладимый след в дальнейшей судьбе: увлечение идеей национал-социализма и попытки практических действий в духе этой по-собственному истолкованной идеи. В апреле 1933 г. Хайдеггер был избран ректором Фрайбургского университета, с чем связывал большие надежды по изменению «духовной ситуации времени» в Германии. Но достаточно скоро проясняется их иллюзорность, и в январе 1934 г. философ слагает с себя ректорские полномочия.

6 Там же. С. 127.

7 *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет / пер. А. В. Михайлова. М. 1993. С. 219.

Существует два вида принуждения или необходимости: один исходит от самого бытия (*Логос*, над которым размышлял еще докторант Хайдеггер⁸), другой — от человеческой активности. Город, в особенности столичный, есть сугубое порождение человеческой технически ориентированной культуры; в нем человек «ангажирован» — во всем многообразии смыслов этого слова — даже если предоставлен самому себе, он не может существовать подлинно, т. е. быть самим собой. Провинция, напротив, сама подвержена закону бытия, порядку мироздания (*ordo rerum*). К этому порядку принадлежит и человеческое стремление размышлять над его загадочной сутью, философствовать. В докторской диссертации Хайдеггер цитировал Ницше: *Trieb, der philosophiert*,⁹ мысль, которая сохранит свою значимость на всем протяжении хайдеггеровского творчества.

Провинция инициирует данное занятие и способствует ему тем, что предоставляет соответствующие условия, прежде всего, возможность уединения. Феномен уединения философ рассматривает в сравнении с его фальсифицированным подобием, (городским) одиночеством и также через призму истинности или подлинности. «В больших городах легко оставаться одному — легко как едва ли еще где. А жить уединенно там нельзя. Ибо первозданная сила присуща уединению — оно не обособляет, не разъединяет, но все существование твое здесь круто обрушивается в самую широту близости к сущности всех вещей».¹⁰ Относительно этих мировых вещей, точнее их сущности, следует задаваться вопросами; истинное философствование — это вопрошание, и оно, конечно, возможно лишь в уединении, поскольку человеческое сообщество, в частности, город и сложившаяся университетская традиция философии, предпочитает и требует ответы.

Вместе с тем, такая работа осмысления нуждается в собственной, специфической строгости, которая связана с поиском единственно нуж-

8 Необходимо уточнить, что уже ранний Хайдеггер учитывал двойственность этой философии: на первом месте выступал евангельский Логос, как один из основополагающих — и дискуссионных в то время — теологических терминов, но далее следовал Логос Парменида (древнегреческий, собственно философский). Поздний Хайдеггер большее внимание отдавал Пармениду.

9 Буквально: стремление, которое философствует; оно идет изнутри человека, но словно обладает самостоятельностью, и человек влечется этим стремлением, не будучи в силах противостоять ему.

10 Там же. С. 219–220.

ного Слова: «...всякая мысль должна прорабатываться сурово и отчетливо. Тогда отпечатлется труд мысли в языке...».¹¹ Именно провинция, которую здесь Хайдеггер отождествляет с деревней,¹² сохраняет важнейшую ипостась бытия — живой, многосмысленный, сохраняющий историческую память язык, который заместился в городе ученой, т. е. омертвело унифицированной речью. Известно, что именно с середины 30-х годов Хайдеггер начинает особенно разрабатывать тему языка, поэтической речи, обращаясь к авторам, «укорененным» в немецкой национальной почве. Прежде всего, это Фридрих Гёльдерлин (1770–1843), по образному выражению Г. Г. Гадамера, «развязавший язык» самому Хайдеггеру Гёльдерлин, с его «космическим» поэтическим даром и чувством слова творивший мифопоэтизированный христианско-языческий образ Германии. Это, далее, Штефан Георге (1868–1933), утонченный художник, который культивировал идею «тайной Германии» (*geheim* — тайный, коннотационно связано с семантикой домашней защищенности, сокровенного родного уюта, «дома», *Heim*, как первого и последнего прибежища), перекликающейся с другими культурными идеями скрытых/священных топосов: страны нибелунгов, Шамбалы, невидимого града Китежа и др. Это Иоганн Петер Гебель (I. P. Hebel, 1780–1826), писавший как на литературном немецком (хохдойч), так и на алеманнском (швабском) диалекте, имеющем, по мнению Хайдеггера, особый творчески-смысловой потенциал. Философ считал, что именно благодаря диалектам, неразрывно связанным с провинцией и не искаженным государственной идеологией, технической цивилизацией, язык сохраняет свою подлинность и близость к человеку, в диалектах кроется источник и Родина языка.¹³ В более позднем «Письме о гуманизме» (1947) это выра-

11 Там же. С. 219.

12 В немецком языке «деревня» как административная единица называется *das Dorf*, но для обозначения разнообразных форм внегородского пребывания используют *das Land*, что одновременно означает «сельское пространство», «страну», «сторону» (в смысле «в родной/чужой стороне»). Вместе с тем город (*die Stadt*) этимологически и семантически связан с *die Statt*, место, локус. В обоих случаях ключевым является значение некоего топоса, для которого характерны те или иные принципиальные черты. Именно этот семантический аспект оказывается для Хайдеггера первостепенно важными позволяет избегать схематизирующей конкретики общепринятых смыслов.

13 Как отмечает «Словарь немецкого языка» братьев Гримм («*Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm*»). Hrsg. von B. Hirschfeld. Leipzig, 1854, bearbeitet von K. Euling. Leipzig, 1936) и подтверждают современные лингвисты, немецкий язык

зится известной емкой фразой: язык — дом бытия. Философско-метафорический тезис вновь возвращает к теме (при)родного места обитания, неразрывно связываемого с провинциальным, сельским самостоянием.

Разница между сельским домом и городской квартирой понятна и неевропейцам, но здесь необходимо принять во внимание характерную для Германии привычку жить «обособленно-кооперативно», чтобы понять, что стоит за хайдеггеровским тезисом «творческого ландшафта». В провинции сохраняется подлинность, ненатужность человеческих взаимоотношений, которая невозможна в сильнейшем гравитационном поле городских обязательных коммуникационных связей. В деревне, утверждает философ, нет места бесконечным пустопорожним «толкам», «болтовне» (*Gerede*, проанализированные в «Бытии и времени», §§ 34–35), поверхностному «шуму» цивилизации, характерному для больших городов. Люди, живущие на земле — в прямом и переносном смысле слова, — настроены на другое общение. «Горожанин думает, что идет “в народ”, когда нисходит до длинного разговора с крестьянином. Когда же у меня бывает перерыв в работе, и я сижу с крестьянами на скамье у печи или за столом в красном углу, то мы обычно вовсе не разговариваем. Мы курим трубки молча. Время от времени кто-то, бывает, и вымолвит слово <...> Глубокая принадлежность собственного труда к Шварцвальду и к людям Шварцвальда проистекает из вековой алеманнско-швабской самобытности, и это не заменить ничем».¹⁴

Хайдеггеру не без основания вменяют идейно-политический консерватизм, идеализацию патриархального уклада жизни, неприятие неизбежных — вроде бы — тенденций социально-технического прогресса. И все же было бы крайностью характеризовать его мысль как провинциальную — в современном значении маргинальности или отсталости. Такая радикальная позиция, высказанная Ю. Хабермасом («понадобились ученики, чтобы урбанизировать хайдеггеровскую провинцию»), значительно смещает акцент в воззрениях философа, не принимая во внимание присущие им важные моменты. Известный современный исследователь

оформлялся на базе существующих диалектов еще долго после Лютера, заложившего основу литературного языка своим переводом Библии. Огромную роль в становлении поэтической и научной речи Германии сыграл Гете. Однако и в XX веке на фоне распространенной литературной формы продолжают существовать весьма отличающиеся от нее южные и северные диалекты, напр., швабский, баварский, франконский и др.

14 *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 219.

М. Ридель (M. Riedel) указывает, что здесь необходимо учесть отличие современного урбанизированного существования от традиционного староевропейского («старосветского» в смысле оппозиции Старого и Нового света¹⁵) урбанизма, который ориентировался на ценность домашнего уюта, культурные традиции, образованность.¹⁶ Современные мегаполисы, где господствуют банки, концерны и политические учреждения, хотя и предоставляют человеку жилье («спальные районы»), малопригодны для жизни. Жизненный мир старой Европы покоился на трех китах — отеческом доме, кафедральном соборе, замке синьора — и он был прочным, несмотря на бурные исторические и политические коллизии. Истоки биографического ландшафта Хайдеггера находятся именно в этом устойчивом бытийном пространстве с определенными ориентирами-векторами, дающими притом возможность человеку и миру оставаться самими собой.

Обращаясь к памятным записям брата философа Фрица Хайдеггера, М. Ридель описывает такие бытийно-биографические ориентиры. «Это домашнее обиталище с отеческой мастерской <...> находится напротив великолепной церкви в стиле барокко с высокой колокольней, которая особенно бросается в глаза своей простотой. Но над всей панорамой города могущественно высится замок фамилии фон Циммерн. Кто внимательно оглядит располагающуюся между ними площадь, а потом возможно остановит взгляд на большой алтарной картине “Мастера из Месскирха”,¹⁷ где изображается Рождество Спасителя и поклонение волхвов, — тот приблизился к месту происхождения, к тому триединству церкви, дома и замка, в которых мы можем опознать основные скрепы староевропейского мира, двуединство светской и духовной власти,

15 Нельзя не вспомнить — как параллель — глубокий метафорический образ гоголевских старосветских помещиков. Идея этого образа заключает в себе, конечно же, большее, нежели только характеристику уходящей природы, современников *l'ancien régime*. Вместе с тем именно психологизм и жизненность изображения героев удерживают читателя, так сказать, в антропологическом измерении, сосредоточивают на феномене человека. Нужно сказать, что у Хайдеггера всегда присутствует философский масштаб/горизонт, — даже в тех случаях, когда описываются окружающие его домик горы, или проселочная дорога, или колокольня времен давно минувшего детства. Сказанное относится и к проблеме оппозиции провинции-центра (столицы), которая раскрывается лишь с учетом этого мета-физического — в полном смысле слова — измерения.

16 См.: *Schriftenreihe der Martin-Heidegger-Gesellschaft*. Bd. 5. «Herkunft bleibt aber stets Zukunft». Frankfurt; München: Klostermann, 1998. S. 19–20.

17 По современным данным картина принадлежит кисти Йорга Циглера.

выше- и нижестоящих».¹⁸ Для небольшого Месскирха,¹⁹ родного города философа, подобного многим немецким провинциальным городкам, характерна не только лишь подлинность патриархальных межличностных отношений, т. е. особый психологический фон. Хайдеггер не упускал случая указывать на вторичность психологии, зависимость (или производимость) психологических феноменов, включая и различные способы коммуникации, от более глубокого онтологического горизонта. С существенными оговорками можно сказать, что философ придерживался тезиса: бытие определяет сознание,²⁰ — если при этом будут уточнены все термины этого положения, и, прежде всего, понятие бытия. Подлинность отношений провинциального Месскирха — как и горной деревушки по соседству с «хижиной» мыслителя — оказывалась возможной именно потому, что само устройство жизни там, упомянутый *ordo rerum*, оказывался «правильным», т. е. соответствующим всему мироустройству в целом.

Здесь одним из главных ориентирующих моментов выступает специфическая двойственная разверстка бытия: сомасштабное человеку измерение существования — и превосходящий человеческие возможности (постижения или воздействия) горизонт бытия. По убеждению Хайдеггера, провинция сохраняет в себе эту основную шкалу координат, где *человеку отведено должное место* и не более того, другими словами, где он соотносен/сопоставлен с иным, предельным онтологическим основанием. Только понимание такой сопоставленности дает импульс свободному творчеству — свободному в своем следовании названному выше Логосу, философствующему вопрошанию. Провинция не просто предоставляет возможность творческой деятельности, она сама есть способ существования таким образом, о котором поздний Хайдеггер скажет словами Гёльдерлина: «...лишь поэтически человек жительствоует на этой земле». Поэтическое, как синоним творчества, понимается философом из древнегреческого ποιησις — созидующее естество, природное творчество в смысле бесконечно порождающей природы, φύσις, с одной сторо-

18 Op. cit. S. 20.

19 Еще в 1950 г. он насчитывал — как и сотни лет назад — около пяти тысяч жителей; только в последнее десятилетие, после включения в его состав нескольких окрестных деревень, он вышел на уровень 15 тысяч жителей. Однако же статусом и правами города Месскирх обладал со времен раннего средневековья, в 1961 году он отметил свое 700-летие.

20 Недаром Хайдеггер достаточно внимательно относился к Марксу, считая его последним метафизиком, хотя и не достигающим уровня Ницше — учитывая социально-политическую и экономическую ориентацию взглядов Маркса.

ны, и божественного поэтического (или музыкального) дара у человека, с другой стороны. Собственно, поэтическое реализует названную двойственную бытийную разверстку, в нем сопрягаются оба измерения: человеческое, или экзистенциальное, и вне-человеческое, предельное; именно поэтому поэзии невозможно научить, ее можно лишь открыть — в себе или для себя. Но ποιησις противопоставлен τέχνη — умению, ремеслу, искусству, чисто человеческим способностям, которым обучают, в которых совершенствуются, но которые по своему существу вторичны, подражательны. Ремесленник, даже очень искусный, подражает природе, τέχνη — есть подражание, аналог φύσις.²¹

Творческий, поэтический характер провинции означает, в первую очередь, священнодействие со словом и мыслью; в этом процессе посторонние излишни, человек должен остаться один на один с тем, что превосходит его ум и силы. Это Превосходящее замечается, прежде всего, как *природа* — извечный окружающий ландшафт, неизменный круговорот времен года, необоримость стихий, — все должно быть поименовано и осмыслено, осмыслено как мир, не созданный человеком, над которым он не может властвовать, но в котором он может и должен существовать. При дальнейшем размышлении само человеческое существование в мировом универсуме оказывается под вопросом: обладающий разумом, целеустремленный человек не волен в своей жизни, смерти, судьбе, т. е. в своих стратегических проявлениях. *Судьбоносность человека* также оказывается превосходящей его возможности, как и мир, куда человек вписан, — и для нее также должно быть найдено мыслящее слово. Подверженность судьбе, а вместе с ней — собственной самобытности особенно заметно взгляду из провинции, находящемуся «в самой близости к сущности всех вещей», — поскольку в больших городах поддерживается и распространяется большая правдоподобная иллюзия всемогущества человека, интеллекта, науки и техники. Действительно, представляется логичным, что человек полновластен хотя бы над тем, что создает сам: над научным знанием, техническими достижениями. Вроде бы и сама промышленно-экономическая реальность страны сви-

21 Правда, и Платон, и Аристотель — значимые для Хайдеггера персоналии — усматривали родовую сущность всех видов поэтического искусства в подражании, «мимесисе». Аристотель, говоря о поэтическом «технэ», ставил при этом поэзию выше истории, поскольку «...поэзия говорит об общем, а история — о единичном»; под общим подразумевалось формально общее, обеспечивающее целостность существующего космоса. Хайдеггеровская трактовка явно склоняется к романтической — романтизм, в том числе, Гёльдерлин, совершенно иначе рассматривал соотношение ποιησις и τέχνη.

детельствовала об этом; после политического и экономического коллапса, которым закончилось существование Веймарской республики, Германия довольно быстро набирала обороты, сделав ставку как раз на научно-технический прогресс, обслуживающий в первую очередь военную промышленность.²² Однако такая оптимистическая «картина мира»,²³ согласно Хайдеггеру, выступает лишь первым планом действительности, за которым находится ее метафизическая основа. Если взглянуть на эту «картину» со стороны, дистанцированно, обнаруживается, что порождения технического разума в своей собственной дальней стратегии не подчиняются человеку. Как таковой *феномен техники* становится самодовлеющим, его фундаментальная черта, просчитываемость и прогнозируемость, превращается в свою противоположность; творение человека, выходя из-под контроля, являет себя как нечто Гигантское (Riesenhafte) и Неподрасчетное (Unberechenbare). Эти бытийные феномены должны давать импульс творческому философскому вопрошанию.

В работах второй половины 30-х годов²⁴ Хайдеггер исследует сложившуюся в западноевропейском мире ситуацию, обозначая ее достаточно широко трактуемым понятием «метафизика».²⁵ Одновременно тема про-

22 Достаточно назвать лишь некоторые, бывшие уже тогда известными на весь мир немецкие научно-технические брэнды: металлургические и машиностроительные концерны Круппа и Тиссена, электротехническая монополия Сименса, военнo-химический концерн «И. Г. Фарбениндустри». Германия лидировала в химии, математике, теоретической и прикладной физике, ряде областей биологии.

23 «Время картины мира» — доклад, прочитанный Хайдеггером в 1938 г. во Фрайбурге. В этом докладе анализировалась современная европейская действительность и ее фундированность прогрессистским научно-техническим стереотипом мышления, созданным в эпоху Нового времени. Следствием такого фундирования является, как показывает философ, формирование нового типа реальности: создаваемого наукой и тотально тиражируемого образа мира, «картины мира», подменяющей собой самую реальность. Дальнейшим следствием является установка на покорение мира именно как такой представленной картины.

24 Прежде всего следует указать на «Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis» (Очерки философии. О Событии, 1936–38 гг.). Это обстоятельная, писавшаяся «в стол» работа, в которой представлен концептуализированный проект бытийно-исторического мышления — новый этап относительно «Бытия и времени». К нашей теме есть обращения в переведенных на русский язык работах: уже названном докладе «Время картины мира», «Пути к собеседованию» (1937), «Преодоление метафизики» (тексты 1936–46 гг.). Важные мысли об изначальности и подлинности крестьянской жизни содержатся в «Истоке художественного творения» (1937).

25 О семантическом горизонте понятия «метафизика» у М. Хайдеггера см. статью: *Бросова Н.З.* Судьба метафизики и судьба человека // Вопросы философии. 2005. № 11.

винции все более соотносится философом не столько с конкретикой деревни, противостоящей городу, сколько с идеями родного дома, родной земли, первоистоков и традиций. Нужно заметить, что эти вопросы были тогда в центре государственного и общественного внимания: идеология Третьего Рейха очень активно использовала патриотическую, национальную риторику, искусно задействовала и регионально-консервативные настроения. Однако ведущей нотой при этом была имперская, т. е. унифицирующая установка. Хайдеггер осмысливал тему по-своему, рассматривая в разных аспектах проблему самобытности, которая тесно увязывалась им с проблемой народа и национальной идентичности. «Хождение во власть», даже кратковременное, обогатило его особым опытом. Уже в конце 1933 года он говорит о «лживом многословии журналистов, строчащих о народе и его самобытном существовании»; акцент на «малой родине», «отчем доме» становился противовесом идее великой унифицированной империи. (Правда, деревня, село — в их, так сказать, южнонемецком, «швабско-алеманнском» выражении — остаются для Хайдеггера главной бытийной почвой, о них он не перестает размышлять и в послевоенные годы).

Но с чего начинается самобытность, в чем заключается качество родного места — если человек перемещается по лицу земли, находит себе применение, где-то приживается или не приживается. Что же такое традиции в отличие от обычных привычек людей жить тем или иным образом? Что есть народ, к которому во все времена апеллируют философы, поэты, власть? Для того чтобы правильно сориентироваться в поисках ответов на такие вопросы, нужно, по Хайдеггеру, прежде всего, отказаться от расхожих стереотипов, обратиться от внешних явлений к сути вещей.

Проблема самоидентификации является здесь ключевой не только потому, что из нее проистекают все остальные, но и потому, что это проблема существования как такового: «В вопросе “кто мы” заключен вопрос *«есть ли мы»*. Оба вопроса нераздельны...».²⁶ По рассмотрению все же оказывается, что этот вопрос должен быть обращен к отдельно взятому индивидууму; притом, что философ совсем не отрицал общественной человеческой природы. Еще в «Бытии и времени» показано: человек действительно существует *в* и *как* со-бытие с другими. И все-

²⁶ Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis. GA Bd. 65. Frankfurt am Main, 1994. S. 51.

таки основа, *первородство* принадлежит этой открытой миру и социуму единичности, а не обществу. Возможно предположить, здесь выражена позиция относительно тиражируемого тогда типа личности — самозабвенно (в полном смысле слова) преданной партии и фюреру;²⁷ подобная самозабвенность вполне соответствовала тому положению вещей и событий, которые Хайдеггер обозначил выражением «забвение бытия». Это можно было бы интерпретировать и как традиционную западноевропейскую («фаустовскую») установку на безусловный приоритет личности в ее давней оппозиции с обществом.²⁸ Но не стоит забывать о более глубоко лежащих религиозных (христианских) основаниях хайдеггеровского философствования — как бы далеко оно не уходило от своей изначальной католической ортодоксии и последующих протестантских интуиций²⁹ — эти основания продолжали оставаться весьма своеобразными ориентирами в хайдеггеровской эволюции. В христианстве человек (человеческая жизнь) рассматривается как несубординированная уникальность, «нераздельная», т. е. неотъемлемая от сообщества, но и не подчиненная ему.³⁰ Философ, размышляя над вопросом идентичности, не раз подчеркивал, что речь не должна идти об укоренившемся (т. е. ставшем господствующим с эпохи Нового времени) рефлектирующем субъективизме, речь не о личности, которую трактуют как *ego cogito*. Однако поиск и понимание себя невозможно без самоосмысления, которое есть «основание Самости»: «Это само-осмысление уходит от всякого «субъективизма», особенно того, который опаснейшим образом сокрыт в культе “личности”».³¹ Хайдеггер выступает против эгоцентрики и схе-

27 В труде «История Бытия» (1938–40 гг.) Хайдеггер весьма критично исследовал и оценивал политические обстоятельства, складывающиеся в Германии того времени. Но эта работа была впервые опубликована в 1998 г. в рамках составленного самим философом проекта его полного собрания сочинений. См.: *Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. GA Bd. 69. Fr/M 1998.*

28 И вместе с этим — определенную позицию против ставших уже тогда популярными социально-философских и социологических утверждений, что личность формируется средой, т. е., что человек в своем существе детерминирован обществом.

29 См. по этому вопросу статью П. П. Гайдено, где излагается противоположная позиция: *Гайдено П. П. М. Хайдеггер: изначальная временность как бытийное основание экзистенции // Вопросы философии. 2006. № 3.*

30 В конечном счете, человек ответствен только перед Богом, но не перед людьми; нарушение человеческих законов находится в компетенции права и определяется как вина, — грех лежит в ином измерении.

31 *Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis. GA Bd. 65. Frankfurt am Main, 1994. S. 52.*

матизма мысли, явившихся закономерным следствием гипостазирования рефлексии в целостном феномене человека. Согласно «линии Декарта», ответ на вопрос *кто мы?* (*что есть человек*) уже давно дан, но Хайдеггера он принципиально не устраивает. Ведь человек не только и не столько *cogito*, да и само мышление неоднозначно. Одно дело — рассчитывать параметры механизма или ситуацию на рынке, а совершенно другое — выявлять смысловой аспект вещей и, даже более того, обнаруживать горизонт сакральности бытия. Самоосмысление должно неизбежно выводить человека на эту перспективу; подлинная человеческая Самость кроется в измерении Священного. Поэтому, подчеркивает философ, ответ на упомянутый вопрос, собственно говоря, и не дан, его следует вновь и вновь искать.

Поискам же способствует «ландшафт», буквально, «местность»,³² которая оказывается созвучной предельности такого запроса. Пространство, родственное человеческой сути, Родина его души, есть Родина человека. Чаще всего она связывается с началом жизни, детством, родным домом, где человек впервые начинает осознавать себя и с чем впоследствии сравнивает все встреченное на жизненном пути. Этим пространством является, по Хайдеггеру, именно провинция — не столько потому, что сам философ родом из провинции, сколько потому, что она, как уже говорилось, сохраняет в себе предельность жизненных и метафизических ориентиров. В небольшом эссе «Проселок» (1949) об этом говорится так: «Узенькая лента пути, одолев последний холм, спускается к самой городской стене. Едва белеет полоска дороги в свете мерцающих звезд. Над дворцом высится башня церкви Св. Мартина. В ночной темноте медленно, как бы запаздывая, раздаются одиннадцать ударов. <...> С последним ударом колокола еще тише тишина. Она достигает до тех, кто безвременно принесен в жертву в двух мировых войнах. Простое теперь еще проще прежнего. <...> Утешительный зов проселочной дороги отчетливо внятн. Говорит ли то душа? Или мир? Или Бог?».³³

32 См. сноску 11. Суффикс «schaft» придает слову собирательно-обобщающий характер, открывая за первым конкретным значением «сельской местности» семантический горизонт так или иначе определяемого топоса, некоего выделенного пространства.

33 *Хайдеггер М.* Проселок. В: *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет / пер. А. В. Михайлова. М. 1993. С. 240–241. Очень важны последние слова; Хайдеггер называет три понятия, которые Кант определял в качестве идей чистого разума. Для них, по Канту, нет предмета в сфере человеческой чувственности, однако идеи, будучи понятиями предельных целостностей, играют важнейшую — ориентирующую

Родной дом, родное место не означают телесного и душевного комфорта, уюта в обывательско-мещанском смысле «удобства», «привычности», «пригодности», или, как формулировалось в «Бытии и времени», «подручности». Родина человека — это то, что взывает к нему и призывает к себе, не всегда бывая услышанным и понятым. Этот момент неокончателности, непроясненности чрезвычайно важен для Хайдеггера; как и в случае с открытым вопросом о человеке, вопрос о том, что есть Родина, является открытым, несмотря на очевидную ясность.³⁴ От истоков жизни со временем удаляются, но они, оставаясь единственным, по сути, масштабом, сопровождают весь жизненный путь, словно забега вперёд и приходя из будущего. Эту мысль о неразрывности прошлого и будущего, родного дома и странствований в чуждых пределах философ лаконично высказал в поздней работе «Мой путь в феноменологию» (1963): «Но происхождение всегда остается будущим» («Herkunft aber bleibt immer Zukunft»). Применительно к нашему вопросу это означает: Родину еще предстоит обрести — с помощью того же проникновенного самоосмысления и философствующего вопрошания, которому способствует творческий ландшафт провинции.

Вместе с тем простые и одновременно основополагающие вещи должны оставаться важными для человека; понимание их значимости есть зерно подлинных традиций. Эти вещи, фокусирующиеся в единственной задаче: «жить на этой земле», соотносятся с безыскусственностью, простотой, несуетностью существования и мутируют в интенсивном функционировании больших городов под напором «человеческого, слишком человеческого». Но именно традиции составляют почву для бытия народа, поскольку и для него главной задачей, скорее даже миссией, является «жительство», а не простое существование, характерное для вещей — и для массовидного городского быта. Соответственно, народ не «дан» подобно некоей определенной вещи или конкретному биологическому виду. Народ, полагает Хайдеггер, «историчен», т. е. он находится в становлении. Становление, опять же, не озна-

и регулирующую — роль в деятельности человеческого духа. Хайдеггер в течение всей жизни вел критический диалог с философией Канта и при этом человек (душа), мир, Бог оставались главнейшими проблемами на его философском горизонте.

34 Здесь также необходимо принять во внимание политико-идеологическую ситуацию. В период национал-социализма тема Родины, Отечества (Vaterland) была тиражируемым клише, известным, простым, понятным; после 1945 года она обнаружила свою глубокую проблематичность.

чает формирование по заданному плану или известному алгоритму; оно подобно тому процессу самоопределения, в котором человек становится самим собой, никогда не зная себя наперед. Знаменательно, что в пространстве традиции Хайдеггер выделяет центральное, главное: «Народ т о л ь к о т о г д а народ, когда он обретает свою историю в нахождении своего Бога, того Бога, который вынуждает его выйти за собственные пределы и таким образом отодвигает его в сущее. Только тогда народ избегает опасности кружения вокруг самого себя, опасности обожествить как свое Б е з у с л о в н о е то, что является всего лишь условиями его наличествования».³⁵

Итак, народ в поисках себя и Бога тоже предстает как открытый вопрос, в котором все же обнаруживается некоторая определенность. Как уже говорилось, оппозицию «человек-общество» Хайдеггер рассматривает в «обособленно-кооперативном» ключе, признавая безусловный приоритет за отдельным индивидуумом. Поэтому проводниками мыслей и голоса народа выступают избранные, «немногие-редкие», философы и поэты. Собственно они осуществляют названное философствующее вопрошание и попадают «в самую широту близости к сущности всех вещей». Однако за свою избранность они платят дорогой ценой — уединением, оборачивающимся одиночеством. Уединенность среди творческого ландшафта выливается в одиночество мысли, которая не находит отклика, по крайней мере среди современников; абсолютным примером такой закономерности был, по Хайдеггеру, Гёльдерлин.

Идею уединенности — в разных вариациях, но так или иначе связанных с темой провинции, точнее, родной земли, — Хайдеггер излагал и в послевоенных работах. Одна из таких — эссе «Отрешенность»,³⁶ где осмысливаются новые условия и обстоятельства общественной жизни, прежде всего Германии, но и шире — Европы и мира. При внимательном рассмотрении эти обстоятельства оказываются гипертрофированным дисбалансом прежнего соотношения города и провинции. Речь идет о том, что успешная техническая деятельность человека заместила собой в планетарном масштабе измерение бытийного Логоса, человек сосредоточился на себе и тем самым себя подлинного выпустил из виду.

35 *Heidegger M.* Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis. GA Bd. 65. Frankfurt am Main, 1994. S. 396.

36 *Хайдеггер М.* Отрешенность / пер. А. С. Солодовниковой // *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М., 1991.

Нарушение естественного порядка привело к феномену *безродности*, утрате корней, исчезновению *настоящей* деревни: «...все, с помощью чего современные средства информации ежечасно стимулируют человека, наступают на него и гонят его — все, что уже сегодня ближе человеку, чем пашни вокруг его двора, чем небо над землей, ближе, чем смена ночи днем, чем обычаи и нравы его села, чем предания его родного мира».³⁷ Однако эта близость, «подручность» — ненастоящая и чужая, точнее, отчуждающая человека от того, что является его сокровенной сутью. А к человеческой сути, как уже сказано, принадлежит размышление. Но именно размышляющая, философствующая мысль оказывается в забвении вместе с исконным жизненным укладом: «Страшно на самом деле не то, что мир становится полностью технизированным. Гораздо более жутким является то, что человек не подготовлен к этому изменению мира, что мы еще не способны встретить осмысляюще мыслью то, что в сущности лишь начинается в этом веке атома».³⁸

В такой ситуации Хайдеггер предлагает человеку и обществу изменить духовную установку таким образом, чтобы, не впадая в безнадежную борьбу с развитием технической мысли, постараться вернуть теряемую принципиальную основу. «Но мы можем и другое. Мы можем пользоваться техническими средствами, оставаясь при этом свободными от них, так что мы сможем отказаться от них в любой момент. Мы можем использовать эти приспособления так, как их и нужно использовать, но при этом оставить их в покое как то, что на самом деле не имеет отношения к нашей сущности. Мы можем сказать “да” неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать “нет”, поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность. <...> Я бы назвал это отношение одновременно “да” и “нет” миру техники старым словом — “отрешенность от вещей”».³⁹ Здравый смысл, который находится здесь на первом плане и формулирует взвешенное отношение к миру в целом (ведь понятно, что речь идет не только о технических новинках, но и ситуациях, межличностных отношениях и пр.), не может полностью скрыть фундирующий его модус аскезы.

37 Там же. С. 105–106.

38 Там же. С. 108.

39 Там же. С. 109–110. Важно отметить выбранный термин «отрешенность», *Gelassenheit*, используемый в богословских трудах Майстером Экхартом, к которому Хайдеггер относился в высшей степени внимательно.

Отрешенность возможна лишь ввиду горизонта предельного основания, с уговорами одного только здравого смысла она не заработает. Тем самым в истолкование темы вступает уже упомянутый очень важный для философа момент: характерная для провинции укорененность в природе есть одновременно сохранение подлинного духа религиозности, неразрывно связанного с работой «благоговейного мышления».⁴⁰

Хайдеггеровское понимание провинции становится более понятным, если вспомнить высказывание Новалиса: Философия есть выражение ностальгии, стремления повсюду чувствовать себя дома. Родной дом, Heim, бытийное пристанище человека неотделимо от духовной работы понимания и самопонимания. Это занятие не просто присуще человеку как некая витальная потребность, поддерживающая телесную жизнь; оно, собственно, и вырабатывает человека, создавая вокруг него обитаемое пространство живых смыслов, Родину его духа. Провинция способствует такому занятию, и сама выступает внешним проявлением автономности и историчности человеческого бытия; в таком своем качестве, памятуя о традициях, она и становится Отечеством (Vaterland). Сохранение уклада провинции, ее «мира», к чему призывал философ, означает сохранение не только конкретной культурной самобытности, но, что может быть более важно, возможности мыслить, поскольку лишь в свете этой возможности определяется и значимость традиции, и ценность разнообразия, и горизонты познания, и сущность Родины. Кстати, актуальность этой проблемы осознается и современной объединенной Европой.

А В Т О Р

БРОСОВА НАТАЛЬЯ Зиновьевна — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета НИУ «Белгородский государственный университет».

BROSOVA NATALIA — Doctor, Professor of the National Research University «Belgorod State University», Department of Cultural and Political Research.

E-mail: n.brosova@yandex.ru

⁴⁰ Можно напомнить о Гегеле, считавшем, что «мысль есть своего рода молитва», так же как и об идеях «рейнских мистиков», которые не раз упоминаются в хайдеггеровских работах (Экхарт, Сузо, Таулер).